

*Двенадцатая ночь,
или Что угодно*

*Комедия
в пяти актах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Орсино, герцог Иллирийский.
Себастьян, брат Виолы.
Антонио, капитан корабля, друг Себастьяна.
Капитан корабля, друг Виолы.
Валентин } приближенные герцога.
Курио }
Сэр Тоби Белч, дядя Оливии.
Сэр Эндрю Эгьючик.
Мальволио, дворецкий Оливии.
Фабиан } слуги Оливии.
Фесте, шут }
Оливия.
Виола.
Мария, камеристка Оливии.
Придворные, священник, матросы,
пристава, музыканты, слуги.

Место действия — город в Иллирии
и морской берег вблизи него.

АКТ I

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дворец герцога.

Входят герцог, Курио и другие придворные;
музыканты.

Герцог

О музыка, ты пища для любви!
Играйте же, любовь мою насытите,
И пусть желанье, утолясь, умрет!
Вновь повторите тот напев щемящий, —
Он слух ласкал мне, точно трепет ветра,
Скользнувший над фиалками тайком,
Чтоб к нам вернуться, ароматом вея.
Довольно! Он когда-то был нежнее...
Как ты могуч, как дивен, дух любви!
Ты можешь все вместить, подобно морю,
Но то, что попадет в твою пучину,
Хотя бы и ценнейшее на свете,
Утрачивает ценность в тот же миг!
Такого обаянья ты исполнен,
Что подлинно чаруешь только ты!

Курио

Угодно ль вам охотиться сегодня?

Герцог

А на какого зверя?

Курио

На оленя.

Герцог

О, Курио, я сам оленем стал!

Когда мой взор Оливию увидел,

Как бы очистился от смрада воздух,

А герцог твой в оленя превратился,

И с той поры, как свора жадных псов,

Его грызут желанья...

Входит Валентин.

Наконец-то!

Какую весть Оливия мне шлет?

Валентин

Я не был к ней допущен, ваша светлость.

Служанка мне передала ответ,

И он гласил, что даже небеса

Ее лица открытым не увидят,

Пока весна семь раз не сменит зиму.

Росою слез кропя свою обитель,

Она затворницею будет жить,

Чтоб нежность брата, отнятого гробом,

В скорбящем сердце не могла истлеть.

Герцог

О, если так она платить умеет

Дань сестринской любви, то как полюбит,

Когда пернатой золотой стрелой
Убиты будут все иные мысли,
Когда престолы высших совершенств
И чувств прекрасных — печень, мозг и
сердце —
Навек займет единый властелин! —
Идемте же под своды рощ зеленых;
Их тень сладка мечтаниям влюбленных.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Берег моря.

Входят Виола, капитан и матросы.

Виола

Где мы сейчас находимся, друзья?

Капитан

Мы, госпожа, в Иллирию приплыли.

Виола

Но для чего в Иллирии мне жить,
Когда мой брат в Элизие блуждает?
А вдруг случайно спасся он?

Капитан

Возможно:

Ведь вы спаслись!

Виола

Увы! Мой бедный брат...
Какой бы это был счастливый случай!

Капитан

Но, госпожа, должно быть, так и есть:
Когда разбился наш корабль о скалы
И все мы — горсть оставшихся в
живых —

Носились по волнам в убогой лодке,
Ваш брат, сообразительный в беде,
Наученный отвагой и надеждой,
Себя к плывущей мачте привязал
И, оседлав ее, поплыл по морю,
Как на спине дельфина — Арион.
Я это видел сам.

Виола

Вот золото в награду за рассказ.

Он укрепляет робкую надежду,
Рожденную спасением моим,
Что жив и брат. Ты здесь бывал?

Капитан

Еще бы!

Не больше трех часов ходьбы отсюда
То место, где родился я и рос.

Виола

Кто правит здесь?

Капитан

Высокородный и достойный герцог.

Виола

А как его зовут?

Капитан

Орсино.

Виола

Орсино! Мой отец о нем не раз
Мне говорил. Тогда был холост герцог.

Капитан

Он холост был, когда я вышел в море,
А с той поры минул всего лишь месяц,
Но слух прошел, — ведь любит мелкий люд
Судачить о делах людей великих, —
Что герцог наш в Оливию влюблен.

Виола

А кто она?

Капитан

Прелестная и юная дочь графа.
Он умер год назад, ее оставив
На попечение сына своего.
Тот вскоре тоже умер, и, по слухам,
Оливия, скорбя о милом брате,
Решила жить затворницей.

Виола

О если б
Я к ней на службу поступить могла,
До времени скрывая от людей,
Кто я такая!

Капитан

Это будет трудно:
Она не хочет видеть никого
И даже герцога не принимает.

Виола

Ты с виду прям и честен, капитан.
Хотя природа в благородный облик

Порой вселяет низменное сердце,
Мне кажется, в твоих чертах открытых,
Как в зеркале, отражена душа.
Поверь, тебя вознагражу я щедро, —
Ты лишь молчи, кто я на самом деле,
И помоги мне раздобыть одежду,
Пригодную для замыслов моих.
Я к герцогу хочу пойти на службу.
Шепни ему, что я не я, а евнух...
Он будет мной доволен: я пою,
Играю на различных инструментах.
Как дальше быть — увидим, а пока
Пусть правда не сорвется с языка.

Капитан

Вы евнух, я немой... Ну что ж, клянусь:
Коль проболтаюсь, тотчас удавлюсь.

Виола

Благодарю. Идем.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби Белч и Мария.

Сэр Тоби. Ну какого дьявола моя племянница так убивается о своем покойном братце? Горе вредит здоровью, это всякий знает.

Мария. А вы, сэр Тоби, пораньше возвращались бы домой. Когда вы поздно засиживаете-

тешь бог весть где, ваша племянница, моя госпожа, прямо из себя выходит.

Сэр Тоби. Ну и пусть себе выходит на все четыре стороны!

Мария. Нет, нехорошо, что вы являетесь в таком неприличном виде.

Сэр Тоби. А что в нем неприличного, скажи на милость? Самый подходящий для выпивки вид. И ботфорты хоть куда. А если никуда, так пусть повесятся на собственных ушках!

Мария. Не доведут вас до добра кутежи и попойки. Вчера об этом говорила госпожа, я сама слышала. И еще она поминала вашего дурацкого собутыльника, которого вы притащили сюда ночью и навязывали ей в женихи.

Сэр Тоби. Ты это о ком? О сэре Эндрю Эгьючике?

Мария. О ком же еще?

Сэр Тоби. Ну, он почище многих в Иллирии.

Мария. Нам-то что от его чистоты?

Сэр Тоби. А то, что у него три тысячи дукатов в год.

Мария. Ему и на полгода всех его дукатов не хватит, — такой он дурак и мот.

Сэр Тоби. Ну что ты болтаешь! Он и на виоле играет, и на нескольких языках как по писаному говорит, и вообще богатая натура.

Мария. Еще бы! Дурак пренатуральный! И не только дурак, но и забияка: разумные люди говорят, что, если бы его задор не ходил

в одной упряжке с трусостью, быть бы ему давным-давно покойником.

Сэр Тоби. Клянусь этой рукой, они мерзавцы и клеветники, раз несут такую чушь! Кто это тебе наплел?

Мария. Те самые, от которых я узнала, что он вдобавок ко всему вечера не пропустит, чтобы не выпить в вашем обществе.

Сэр Тоби. Все потому, что пьет за мою племянницу. Я буду пить за нее, покуда у меня глотка не зарастет, а в Иллирии вино не переведется. Трус и мерзавец, кто не желает пить за мою племянницу, пока мозги не полетят вверх тормашками. Тсс, красотка! Castiliano vulgo!¹ Сюда шествует сэр Эндрю Чикчирик!

Входит сэр Эндрю Эгьючик.

Сэр Эндрю. Сэр Тоби Белч! Как живете, сэр Тоби Белч?

Сэр Тоби. Дражайший сэр Эндрю!

Сэр Эндрю. Приветствую тебя, миленькая злючка!

Мария. И я вас тоже, сударь!

Сэр Тоби. Наступай, сэр Эндрю, наступай!

Сэр Эндрю. Кто это?

Сэр Тоби. Камеристка моей племянницы.

Сэр Эндрю. Милейшая миссис Наступай, я бы не прочь познакомиться с тобой поближе.

¹ На народном испанском языке (*искаж. исп.*).

Мария. Меня зовут Мэри, сударь.

Сэр Эндрю. Милейшая миссис Мэри Наступай...

Сэр Тоби. Ты не понял, рыцарь. «Наступай» — это значит «смелей», «не робей», «атакуй», «штурмуй»!

Сэр Эндрю. Ну, знаете, вы столько насчитали, что мне к ней теперь и подступить страшно. Вот так «наступай»!

Мария. Желаю вам всего хорошего, господа мои.

Сэр Тоби. Чтоб тебе никогда не работать твоей шпагой, сэр Эндрю, если ты так отпустишь эту красотку!

Сэр Эндрю. Чтоб мне никогда не работать моей шпагой, милочка, если я так тебя отпущу. Ты что же, красавица, дураками нас считаешь? Придется прибрать тебя к рукам.

Мария. Не так-то легко я даюсь в руки, сударь.

Сэр Эндрю. А ты попробуй, дайся: вот моя рука.

Мария. Сударь, хотенье ваше, да позволение наше. Лучше отнесли бы вы свою руку в погреб и угостили бы ее элем покрепче.

Сэр Эндрю. Это зачем, душечка? Что-то мне непонятна твоя шутка.

Мария. Уж очень она слабосильная.

Сэр Эндрю. Вот это верно. А в моей руке и без эля силы хватает. Но в чем все-таки соль твоей шутки?

Мария. Для вас, сударь, она чересчур соленая.

Сэр Эндрю. И много их у тебя припасено?

Мария. Запас такой, что даже пальцы зудят. А вот сейчас я отпустила вашу руку и сразу обезопасилась. (*Уходит.*)

Сэр Тоби. Ох, рыцарь, подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского: отроду не видел, чтобы тебя так здорово укладывали на обе лопатки.

Сэр Эндрю. Пожалуй что и не видел... Нет, канарское тоже здорово укладывало. Право, мне иногда кажется, что у меня ума не больше, чем у любого христианина, а может, и вообще чем у любого человека. Но я большой любитель говядины, а говядина, наверно, вредит моему остроумию.

Сэр Тоби. Ну разумеется!

Сэр Эндрю. Если б я и вправду так думал, ни за что не стал бы ее есть. Сэр Тоби, завтра я уезжаю домой.

Сэр Тоби. Pourquoi¹, мой дорогой рыцарь?

Сэр Эндрю. Что это означает — «pourquoi»? Ехать или не ехать? Эх, если бы я убил на изучение языков то время, которое перевел на фехтование, танцы и медвежью охоту! Если бы я развивал себя!

¹ Почему? (*фр.*)

Сэр Тоби. Твоим волосам это ни к чему.

Сэр Эндрю. А при чем тут мои волосы?

Сэр Тоби. Как это — при чем? Они же у тебя отроду не вились.

Сэр Эндрю. Ну и что же? Разве они мне к лицу?

Сэр Тоби. Очень к лицу: висят, как лен на прялке. Вот ты обзаведешься женой, и я еще посмотрю, как она зажмет тебя промеж колен да как начнет пряхть — только держись.

Сэр Эндрю. Ей-богу, завтра же я уеду. Твоя племянница не желает меня видеть. А если и пожелает, то бьюсь об заклад, что в мужья себе не возьмет: ведь за ней бегают сам герцог.

Сэр Тоби. А герцог ей ни к чему: она ни за что не выйдет за человека старше себя, или богаче, или умней; я сам слышал, как она в этом клялась. Так что не все еще пропало, дружище.

Сэр Эндрю. Ну ладно, останусь на месяц. Станный у меня нрав: иной раз мне бы только ходить на балы и маскарады...

Сэр Тоби. И ты способен на такие дурачества, рыцарь?

Сэр Эндрю. Могу потягаться с кем угодно в Иллирии — конечно, не считая тех, кто знатнее меня; ну а старикам я и вовсе в подметки не гожусь.

Сэр Тоби. И ты умеешь отплясывать гальярду, рыцарь?

Сэр Эндрю. Еще бы! Я так умею выписывать козлиные коленца...

Сэр Тоби. Не лучше, чем я умею уписывать бараньи ляжки!

Сэр Эндрю. А уж в прыжке назад мне не найдется равных во всей Иллирии.

Сэр Тоби. Так почему все эти таланты чахнут в неизвестности? Почему они скрыты от нас завесой? Или они так же боятся пыли, как портреты миссис Молл? Почему, идучи в церковь, ты не отплясываешь гальярду, а возвращаясь, не танцуешь куранту? Будь я тобой, я всегда на ходу откалывал бы джигу и даже мочился бы в темпе контрданса. Как же так? Разве можно в этом мире скрывать свои дарования? У тебя икры такой восхитительной формы, что, бьюсь об заклад, они были созданы под звездой гальярды.

Сэр Эндрю. Да, икры у меня сильные и в оранжевых чулках выглядят совсем недурно. А не пора ли выпить?

Сэр Тоби. Что еще нам остается делать? Мы же родились под созвездием Тельца!

Сэр Эндрю. Телец? Это который грудь и сердце?

Сэр Тоби. Нет, сударь, это который ноги и бедра. А ну-ка, покажи свои коленца. Выше! Еще выше! Отменно!

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворец герцога.

Входят Валентин и Виола в мужском платье.

Валентин. Цезарио, если герцог и впредь будет так благоволять к вам, вы далеко пойдете: он вас знает всего три дня и уже приблизил к себе.

Виола. Если вы не уверены в длительности его благоволения, значит, опасаетесь изменчивости его нрава или моей нерадивости. Вы считаете, что герцог непостоянен в своих привязанностях?

Валентин. Помилуйте, я вовсе не то хотел сказать!

Виола. Благодарю вас. А вот и герцог.

Входят герцог, Курио и придворные.

Герцог

Кто знает, где Цезарио?

Виола

Я здесь, к услугам вашим, государь.

Герцог

Пусть станут все поодаль. — Я прочел, Цезарио, тебе всю книгу сердца.

Ты знаешь все. К Оливии пойдя,

Стань у дверей, не принимай отказа,

Скажи, что ты ногами врос в порог,

И встречи с ней добейся.

Виола

Господин мой,

Она меня не примет, если правда,
Что так полна тоской ее душа.

Герцог

Шуми, стучи, насильно к ней ворвись,
Но поручение мое исполни.

Виола

Положим, я свиданья с ней добьюсь:
Что мне сказать ей?

Герцог

Пусть она поймет
Всю преданность, весь пыл моей любви.
Рассказывать о страсти и томленьи
Пристало больше юности твоей,
Чем строгому, внушительному старцу.

Виола

Не думаю.

Герцог

Поверь мне, милый мальчик:
Кто скажет о тебе, что ты мужчина,
Тот оклеветает дней твоих весну.
Твой нежный рот румян, как у Дианы,
Высокий голосок так чист и звонок,
Как будто сотворен для женской роли.
Твоя звезда для дел такого рода
Благоприятна. Пусть с тобой идут
Вот эти трое. — Нет, вы все идите!
Мне легче одному. — Вернись с удачей
И заживешь привольно, как твой герцог,
С ним разделив счастливую судьбу.

Виола

Я постараюсь к вам склонить графиню.
(В сторону.)

Мне нелегко тебе жену добыть:
Ведь я сама хотела б ею быть!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Дом Оливии.

Входят Мария и шут.

Мария. Говори сейчас же, где ты пропал, а не то я вот настолечко губ не разожму, чтобы выпросить тебе прощение; за эту отлучку госпожа тебя повесит.

Шут. Ну и пусть вешает: кто повешен палачом, тому и смерть нипочем.

Мария. Это еще почему?

Шут. Потому, что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Мария. Плоская острога. Знаешь, кто говорит: «двум смертям не бывать»?

Шут. Кто, почтенная Мэри?

Мария. Отважные воины. А у тебя хватает отваги только на глупую болтовню.

Шут. Что ж, дай Бог мудрецам побольше мудрости, а дуракам побольше удачи.

Мария. И все равно за такую долгую отлучку тебя повесят. Или выгонят. А какая тебе разница — выгонят тебя или повесят?

Шут. Если повесят на доброй веревке, то уже не женят на злой бабе, а если выгонят, так летом мне море по колено.

Мария. Значит, ты уже не цепляешься за это место?

Шут. Нет, не скажи. Две зацепки у меня все-таки остались.

Мария. Выходит, что если одна лопнет, так другая останется, а если обе лопнут, то штаны свалятся?

Шут. Ловко отбрила, ей-богу, ловко! Продолжай в том же духе, и, если еще вдобавок сэра Тоби бросит пить, я буду почитать тебя за самую занозистую из всех дочерей Евы в Иллирии.

Мария. Ладно, негодный плут, придержи язык. Сюда идет госпожа: попроси у нее прощения, да как следует, с умом, — тебе же будет лучше. *(Уходит.)*

Шут. Остроумие, если будет на то воля твоя, научи меня веселому дурачеству! Умники часто думают, что они бог весть как остроумны, и все-таки остаются в дураках, а я вот знаю, что неостроумен, однако иной раз могу сойти за умника. Недаром Квинапал изрек: «Умный дурак лучше, чем глупый остряк».

Входят Оливия и Мальволио.

Благослови вас Бог, госпожа!

О л и в и я. Уберите отсюда это глупое существо.

Ш у т. Слышите, что говорит госпожа? Уберите ее отсюда!

О л и в и я. Пошел вон, дурак, твое остроумие иссякло! Видеть тебя не могу! К тому же у тебя нет совести.

Ш у т. Мадонна, эти пороки можно поправить вином и добрым советом: дайте иссякшему дураку вина — и он наполнится; дайте бессовестному человеку добрый совет — и он исправится. А если не исправится — позовите косто-права, и тот уж справится. Все, что поправлено, — только залатано: дырявая добродетель залатана грехом, а исправленный грех залатан добродетелью. Годится вам такой простой силлогизм — отлично; не годится — что поделаешь? Несчастье всегда роконосец, а красота — цветок. Госпожа велела убрать глупое существо? Вот я и говорю: уберите ее.

О л и в и я. Я приказала убрать тебя.

Ш у т. Какая несправедливость! Госпожа, *suscillus non facit monachum*¹, а это значит, что дурацкий колпак мозгов не портит. Достойная мадонна, позвольте мне доказать вам, что это вы — глупое существо.

О л и в и я. И ты думаешь, тебе это удастся?

Ш у т. Бессомненно.

О л и в и я. Что ж, попытайся.

¹ Клобук не делает человека монахом (*лат.*).

Шут. Для этого мне придется допросить вас, достойная мадонна: отвечайте мне, моя невинная мышка.

Оливия. Спрашивай: все равно других развлечений нет.

Шут. Достойная мадонна, почему ты грустишь?

Оливия. Достойный дурак, потому что у меня умер брат.

Шут. Я полагаю, что его душа в аду, мадонна.

Оливия. Я знаю, что его душа в раю, дурак.

Шут. Мадонна, только круглый дурак может грустить о том, что душа его брата в раю. — Люди, уберите отсюда это глупое существо!

Оливия. Мальволио, что вы скажете о нашем шуте? Он, кажется, начинает исправляться.

Мальволио. Еще бы! Теперь он все время будет исправляться, пока смерть не пришибет его. Старость только умным вредит, а дураков она совершенствует.

Шут. Дай тебе Бог, сударь, скоропостижно состариться и стать круглым дураком. Сэр Тоби побьется об заклад, что я не лисица; но он и двумя пенсами не поручится, что ты не болван.

Оливия. Что вы теперь скажете, Мальволио?

Мальволио. Не могу понять, как ваша милость терпит этого пустоголового мерзавца: недавно на моих глазах он спасовал перед обык-

новенным ярмарочным шутом, безмозглым как бревно. Видите, он сразу и онемел. Когда вы не смеетесь и не поощряете его, он двух слов связать не может. По-моему, умники, которые хихикают над остротами таких завзятых дураков, сами не лучше балаганных фигляров.

О л и в и я. Мальволио, у вас большое самолюбие: оно не переваривает шуток. Человек благородный, чистосердечный и непредубежденный считает такие остроты безвредными горошинами, а вам они кажутся пушечными ядрами. Домашний шут не может оскорбить, даже если он над всем издевается, так же как истинно разумный человек не может издеваться, даже если он все осуждает.

Ш у т. Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать в награду за твое доброе слово о шутах!

Входит Мария.

М а р и я. Сударыня, какой-то молодой человек у ворот очень хочет вас видеть.

О л и в и я. От герцога Орсино, вероятно?

М а р и я. Не знаю, сударыня. Красивый юноша, и свита у него не маленькая.

О л и в и я. А кто его не пропускает?

М а р и я. Ваш родственник, сударыня, сэра Тоби.

О л и в и я. Уведи его оттуда, пожалуйста: вечно он несет всякую чепуху. Просто стыдно за него!

Мария уходит.

Пойдите вы, Мальволио. Если это посланец герцога, то я больна или меня нет дома — все что угодно, только спровадьте его.

Мальволио уходит.

Теперь ты сам видишь, сударь, что твои шутки обросли бородой и никого не смешат.

Шут. Ты так заступалась за нас, мадонна, словно твоему старшему сыну на роду написано быть дурачком. Желаю тебе, чтобы Юпитер не поспешил на мозги для его черепа, а то у одного из твоих родственников — вот и он, кстати! — *pria mater*¹ совсем размягчилась.

Входит сэр Тоби.

Оливия. Честное слово, он уже успел выпить! Дядя, кто это там у ворот?

Сэр Тоби. Дворянин.

Оливия. Дворянин? Какой дворянин?

Сэр Тоби. Этот дворянин... *(Икает.)* А будь она неладна, эта маринованная селедка! — Как дела, дурень?

Шут. Достойный сэр Тоби!

Оливия. Дядя, дядя, еще совсем рано, а вы уже дошли до такого неподобия!

Сэр Тоби. Преподобия? Плевал я на преподобие! Пускай себе стоит у ворот!

Оливия. Да кто же там, наконец?

¹ Мягкая мозговая оболочка *(лат.)*.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнерадостные комедии Шекспира	
<i>А. Аникст</i>	5
ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ, ИЛИ ЧТО УГОДНО	
<i>Перевод Э. Линецкой</i>	39
<i>Примечания. А. Смирнов</i>	163
<i>Послесловие. А. Аникст</i>	168